

DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.1

Философия творения

© С. В. Девятова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119261 г. Москва, Ломоносовский проспект, 7, к. 4.

Email: welt1936@yandex.ru

В статье рассматриваются основные положения концепции, разработанной известным современным английским ученым и христианским теологом Д. Полкинхорном и направленной на формирование более адекватных представлений о творце и творении. Он обосновывает необходимость для теологии рационального подхода к постижению не только природы и особенностей мироздания, но и его создателя. При этом важно, чтобы современная доктрина творения согласовывалась с научной картиной мира. В концепции Д. Полкинхорна центральной является идея о свободно творящем, любящем, страдающем Боге, который, ограничив свое всемогущество и всезнание, наделил мир способностью к свободному развитию, а человеку подарил высшую ценность – свободу воли.

Ключевые слова: творец, творение, наука, универсум, естественная теология, свобода воли, эволюция, случай.

Принято считать, что человек не может жить без надежды, без веры в лучшее будущее. Но не бывает людей и без мировоззрения. Оно может быть адекватным и неадекватным, обыденным, научным, религиозным. Но то или иное мировоззрение, в той или иной форме есть у каждого. Очевидно, что на формирование мировоззрения оказывают воздействие самые разные факторы. Вместе с тем, как идеология формируется идеологами, так и в отношении мировоззрения можно выделить две области культуры, которые непосредственно ставят перед собой задачу формирования мировоззрения. Это – философия и теология. Обе эти области, конечно, не существуют в безвоздушном пространстве и испытывают на себе влияние духа эпохи, стремятся ассимилировать достижения культуры и соответствовать требованиям своего времени.

Христианская теология, по сути, с самого своего возникновения пытается дать ответы на вопрос о возникновении и предназначении мира и человека. И можно сказать, что превратившись в средние века в «мировоззренческого монополиста», она стала решать эти вопросы все более и более рационально. В прошлом осталась жесткая установка Тертуллиана на несовместимость веры и знания. Ансельм Кентрберийский, Фома Аквинский решают проблему, сама постановка которой ранее казалась немислимой – доказательство существования Бога. И в их, и в рассуждениях других теологов позднего средневековья значительное место стала занимать именно логическая, доказательная, рациональная компонента. Это было началом нового стиля мышления в теологии, зарождением направления, впоследствии получившего название «естественная теология». В ходе истории это направление пережило периоды взлетов и падений, в нем появились различные течения. Но сам принцип сохранился – решать проблемы, оперируя исключительно рациональными методами, средствами и аргументами.

В данной статье рассматриваются некоторые фундаментальные аспекты концепции о Творце и творении, разработанные убежденным сторонником этого принципа – Д. Полкинхорном – английским ученым, членом Королевского общества, англиканским священником и теологом, одним из крупнейших современных специалистов по проблематике «Теология и наука».

Д. Полкинхорн обращает внимание на то, что уже к началу XIX столетия «просвещенческий подход сделал свою окисляющую работу, и вера многих людей растворилась» [1, с. 4]. Затем научные открытия второй половины XIX – первой половины XX вв серьезно пошатнули и даже разрушили предыдущие фундаментальные естественно-теологические представления и естественная теология стала стремительно терять авторитет и популярность. Однако ее приверженцы сумели рационально оценить ситуацию и произвели в своем учении определенные изменения. Современная естественная теология теперь занимается осмыслением не конкретных объектов и не отдельных событий мирового развития. Это – область деятельности науки. Она больше даже не утверждает, что жизнь могла возникнуть из неживой материи исключительно благодаря непосредственному вмешательству Бога. Теперь естественная теология обращает внимание на грандиозность и величественность мира, природную красоту и сбалансированность космических структур и мироздания в целом, рассматривает основные законы, лежащие в основе этого процесса мирового развития (например, антропный принцип), ищет общий фундамент для всех научных объяснений. И при этом возникает важнейшая мировоззренческая проблема – какова природа этих законов, есть ли у них источник, и если есть, то как возможно его постижение? Ведь мы столкнулись с удивительной ситуацией – решение наукой одних вопросов тут же порождает другие вопросы. И складывающаяся благодаря научным достижениям картина мира не разрушает, а укрепляет нашу веру в Создателя, представляя нам мир все более грандиозным и сложноорганизованным.

Более того, успехи науки, колоссально расширившие наши представления об универсуме, представившие его сложнейшим и тончайшим образом организованным, постоянно развивающимся через взаимодействие случая и закона, взаимосвязанным целым, обострили проблемы его смысла и источника и предоставили новые основания для веры в Творца. Таким образом, обновленная естественная теология не вторгается в область компетенции науки. Она обращается к «метавопросам», возникающим или обретающим новое звучание, благодаря научному развитию, но решение которых, вместе с тем, не может быть получено только путем научного познания. При этом Д. Полкинхорн особенно подчеркивает, что в данном случае обращение к теологии при обсуждении и попытках решения этих «метавопросов» не означает возврата к неоправдавшей себя стратегии «Бога пробелов», когда по мере заполнения наукой этих «пробелов» устранялась и необходимость в «гипотезе Бога». Здесь «богословие обращается к законам природы, которые оно понимает как выражение непреложной воли Бога, и которые наука открывает, но не объясняет» [2, с. 81]. Все это, по мнению Д. Полкинхорна, обусловило возрождение естественной теологии и все возрастающий интерес к ней. И в наше время это возрождение весьма актуально.

Наука XX столетия радикально изменила наши представления о мироздании практически во всех аспектах – от времени его возникновения до появления и развития человека и общества. Вся его история – и физическое его развитие, и биологическая эволюция характеризуются взаимодействием закона и случая. Следствием такого взаимодействия можно считать образование галактик и наблюдаемое сегодня строение вселенной, возникновение жизни и

появление все более сложных ее форм, включая обладающего сознанием и самосознанием человека. Причем признание значительной компоненты случайности в мировом развитии не превращает мироздание в непредсказуемый, бессистемный хаос. Универсум предстает перед нами как некое сложноорганизованное, взаимосвязанное и динамичное целое.

Конечно, замечает Д. Полкинхорн, формируемая наукой теория возникновения и развития мира еще далека от совершенства. Она содержит немало спорных и весьма гипотетических положений, и многие принципиальные вопросы пока оставляет без объяснения, тем не менее, по его мнению, современная христианская теология должна учитывать ее при разработке учения о творении и стремится, чтобы это учение было с ней согласованно. Вместе с тем, он обращает внимание на то, что, современная теология, явно в ущерб доктрине творения, сконцентрировала свое внимание прежде всего на человеке. Такой антропоцентристский подход, ограничивающий сферу изучения теологии лишь несколькими последними тысячелетиями и практически «не замечающий» миллиардов лет прошлой и будущей эволюции мироздания, представляется Д. Полкинхорну совершенно неоправданным и принципиально неверным неверным. Человек связан с физическим миром и своим происхождением, и своей культурой, давшей ему, в частности, возможность влиять на ход событий в этом мире (например, оказывать антропогенное воздействие на природу). Человечество только часть универсума, в котором все тончайшим образом переплетено, взаимосвязано и, безусловно, имеет отношение к Богу. И в свете этого абсолютно нелепыми выглядят утверждения о том, что фундаментальные составляющие этой взаимосвязи действуют каждая само по себе и по-своему.

Обсуждая проблему творения, Д. Полкинхорн сразу оговаривается, что вопрос времени возникновения универсума не должен иметь для теологии принципиального значения. Главный вопрос в доктрине творения – не «когда мир пришел в бытие?», а «почему мир существует?». Суть этой доктрины – не в том, когда Бог задумал мир и начал осуществлять свой замысел, а в определении роли Бога в творении, в подчеркивании зависимости творения от Творца, в поддерживании Богом существования мира на протяжении всей его истории. Д. Полкинхорн фиксирует две фундаментальные установки доктрины творения: мир упорядочен, т.к. его Создатель рационален; возникновение универсума – результат свободного волеизъявления Бога.

По мнению Д. Полкинхорна, столь сбалансированная, тонко подогнанная, развивающаяся вселенная, способная в ходе своей эволюции создавать все более сложноорганизованные формы, породившая жизнь и существа, наделенные сознанием и создающие культуру, не могла возникнуть «сама по себе». Он особенно обращает внимание на то, что «универсум пронизан знаками разума» [3, с. 8]. И такая рационально организованная вселенная требует от рациональных существ рационального объяснения. Столь широко обсуждаемая в последнее время «теория всего» воспринимается Д. Полкинхорном весьма скептически. Вполне вероятно, полагает он, что она будет внутренне непротиворечивой, но вряд ли и она сможет дать исчерпывающие ответы на вопросы «Откуда?» и «Почему?».

Удовлетворительный ответ на эти вопросы, если он в принципе возможен, с его точки зрения, может быть получен на пути обращения к воле Бога. Конечно, утверждение о том, что мир есть божественное творение, сегодня требует рационального обоснования. И фундаментом такого обоснования вполне можно считать вышеназванные характеристики мира, отражающие личностный характер Творца. В то же время, согласно традиционному христиан-

скому учению, творение – свободно задуманное и выполненное утверждение реальности, отличной от Бога. Поэтому Д. Полкинхорн отвергает идею пантеизма, базирующуюся на идентификации Бога с миром. Он резонно замечает, что тот, кто стоит над миром, должен быть иным, чем мир. И если трансцендентный Бог классического теизма, возможно, слишком отдален от своего творения, то пантеистический Бог оказывается слишком приземленным. Неадекватной представляется Д. Полкинхорну и доктрина творения как божественной эманации, поскольку она подразумевает признание того, что творение осуществляется как бы вынужденно, по необходимости, ибо оно присуще самой «природе» Бога. Вызывает у него возражения и традиционное учение о Боге как Первопричине, стоящей за и действующей посредством причин вторичных. Здесь Бог – единственный источник, тотальный контролер всех мировых событий. Д. Полкинхорн по этому поводу замечает, что утверждение о том, что все происходящее напрямую зависит от Бога, в современных условиях, когда мир живет в состоянии постоянной напряженности, а миллионы людей ежегодно умирают от голода и т. п., вызовет к нему очень серьезные вопросы

Попытки преодолеть вышеуказанные трудности привели к в последние десятилетия к определенной популярности в некотором смысле среднего варианта – концепции пантеизма, которой придерживается, в частности, один из крупнейших авторитетов в этой области, английский ученый и теолог А. Пикок. В рамках этого подхода утверждается, что мир есть часть Бога, но Бог превосходит мир, аналогично тому, как сущность человека не исчерпывается его телесной оболочкой. Т.е. Бог одновременно и трансцендентен, и имманентен по отношению к миру.

Обсуждая проблему возникновения мира многие современные христианские теологи продолжают обращаться к доктрине творения из ничего. Д. Полкинхорн, кстати, обращает внимание на то, что популярные в последнее время среди ряда теологов стремления рассматривать концепцию Большого Взрыва как «научную версию» этой доктрины несостоятельны прежде всего потому, что квантовый вакуум, которым оперирует эта теория никак не может быть отождествлен с «ничто». По мнению Д. Полкинхорна «творение из ничего» подразумевает не своеобразный материал для изготовления вселенной, а то, «что мир все время подерживается в существовании, спасается из бездны «ничто» одной только божественной волей» [2, с. 90].

Как уже отмечалось, Д. Полкинхорн разделяет убеждение, что возникновение и бытие универсума – результат свободного личного решения и акта Бога. Недетерминированность, присущая появлению вселенной также выражается с помощью представления о творении из ничего. Ничто не стимулировало и не ограничивало Бога. Воля Творца – единственный источник сотворенного бытия. Бог принял свое решение свободно. Это включает в себя как признание разумности устройства мира, так и зависимость этой рациональности от выбора Создателя. При этом подчеркивается, отличие и отделенность творения от своего Творца.

Научное обоснование длительной и, более того, продолжающейся эволюции универсума оказало значительное влияние на христианскую теологию и существенно обогатило представления о творении и Творце. И теперь, по мнению Д. Полкинхорна, к концепции творения из ничего следует добавить учение о непрерывном творении. Согласно этому учению, Бог «присутствует в эволюционном процессе, но не в качестве единственного определяющего ее начала, ибо развивающийся мир – это творение, которому позволено Создателем до опреде-

ленной степени «творить самое себя» с помощью перебора случайных вариантов, а как источник и направляющий его плодотворного развития. Работа Создателя продолжается, и в немалой степени, через природные процессы, которые выражают божественную волю» [2, с. 91]. Таким образом, здесь Бог не вмешивается время от времени со стороны в бытие мира, а «постоянно продолжает работу внутри его процессов» [4, с. 99]

В свете этих представлений стала развиваться теология процесса (одна из разновидностей панентеизма), сторонники которой рассматривают Бога как действительного участника каждого события, однако не знающего заранее результата этих событий. Здесь вместо жесткого, «мужского» контроля над миром и управления им, здесь предлагается мягкий, «женский», «материнский» вариант, реализующийся по принципу «делай, что тебе нравится, но ты меня очень расстроишь, если будешь делать то-то и то-то» [5, с. 76]. У Д. Полкинхорна не вызывает сомнений необходимость пересмотра концепции «Бога – космического тирана», но и модель, предлагаемая теологами процесса, вызывает у него возражения, ибо, ограничение власти Бога, не позволяет ему быть подлинным Богом. Наиболее же адекватным представлением о Боге будет такое, в котором сольются воедино и строгость, и забота, и любовь, и всемогущество, соединенные с уважением к свободе, дарованной им своему творению.

По мнению Д. Полкинхорна, мы имеем основания предположить, что Создатель одарил свое творение способностью к не просто плодотворному, но и самостоятельному развитию. Он снабдил мир свойством самоорганизации и законами, обеспечивающими возможность ее развития и появления сознательных, рациональных существ. Т.е. возникновение жизни и человека было «предусмотрено» изначально. Однако обеспечение возможности не означает обязательности ее реализации. Поэтому дальнейшее обсуждение требует обращения к чрезвычайно важной и популярной в современной науке и философии проблеме детерминизма. Вся история мироздания характеризуется взаимодействием закона и случая. «Вселенная – не кукольный театр Бога, в котором принудительно разыгрывается некий заранее определенный сценарий. Это арена импровизации, на которой творению позволено «творить себя», открывать и реализовывать собственный потенциал путем перебора возможностей» [2, с. 89]. То, какие возможности, как конкретно и в каких формах будут реализованы не предопределено и непредсказуемо заранее. Признание значительной роли случайности в развитии мира означает отрицание линейности и предопределенности эволюционного процесса, отказ от идеи, что появление первых живых организмов должно было с необходимостью привести к возникновению человека. Но и объяснять появление человека просто счастливым случаем тоже неправомерно. Его следует рассматривать как проявление рациональности Творца, вложившего в мир способность самосоздаваться посредством взаимодействия случая и закона. И здесь, замечает Д. Полкинхорн, опять нет опасности обвинения в апелляции к «Богу пробелов», ибо эти пробелы – не следствие нашей неинформированности, а объективное свойство реальности.

Итак, доктрина творения, по мнению Д. Полкинхорна не только может, но и должна соединять в себе и доктрину творения из ничего, и учение о непрерывном творении, отражающие два полюса творческой деятельности Создателя – трансцендентный и имманентный.

Д. Полкинхорн обращает внимание на сложности, связанные с любыми попытками описания Бога, которая обусловлена «инаковостью Бога и неизбежными человеческими ограничениями в способности адекватно говорить о тайне божественной природы» [3, с. 19]. Бог отли-

чен от всего. А возможности человеческого языка ограничены. Бесконечное невыразимо через конечное. Один из способов, который мы вынужденно можем здесь применить, это использование аналогий, помня при этом, что «любая аналогия хромает», что любое описание будет неизбежно неточным.

Конечно, полагает Д. Полкинхорн, правильнее говорить о Боге как о личности, чем как о безличной субстанции. Утверждение, что Бог – личность, Отче, разумеется, не означает представления его бородатым дедушкой на облаке. Оно подразумевает его способность действовать конкретно и целенаправленно для достижения избранных им целей. Всомогущество Бога означает полную его свободу и неподверженность никаким внешним влияниям. Его действия, таким образом, регулируются только его желаниями. Крайне существенно здесь то, что Бог – абсолютно рационален. Он не имеет иррациональных желаний (создать камень, который он не смог бы поднять), прихотей и капризов (хочу, чтобы дважды два было пять), а значит, не совершает и иррациональных поступков. Действуя лишь в согласии со своей природой, он не может желать и зла (ибо это противоречит его всеблагой природе), и, следовательно, не делает его. При этом Д. Полкинхорн подчеркивает, что всемогущество и абсолютная рациональность Бога не исключают, говоря опять же нашим языком, его эмоциональности. Ведь главное «определение» Бога – Любовь. А любящий всегда испытывает переживания по отношению к объекту своей любви, и даже, в известном смысле зависит от него. И здесь уместно привести еще одно «определение» – страдающий. И это, учитывая вышесказанное, имеет особое значение при обосновании утверждения о том, что Бог сам избрал именно этот путь, осуществил свой свободный выбор из любви к своему творению.

Весьма непростой и дискуссионной является проблема, связанная с таким атрибутом Бога как всеведение. На первый взгляд, кажется очевидной позиция, дошедшая до нас из средних веков, согласно которой, вследствие «вневременности» Бога вся история универсума известна ему «сразу». Но тогда получается, что Богу заранее известны и все человеческие поступки. И тогда мы вправе задать вопрос, что же такое наша «свобода воли»? Может быть, Бог все-таки узнает о событиях только по мере их совершения?

Д. Полкинхорн подчеркивает, что доктрина классического теизма о всезнающем, всемогущем, вневременном Боге хорошо согласовывалась с механистической картиной мира – статичного и детерминированного. «Но это не мир, в котором живут люди, и не мир, описываемый современной наукой».

В этой связи Д. Полкинхорн обращается к разработанной в рамках философии процесса, но принимаемой сегодня и приверженцами других направлений, концепции, согласно которой универсум – это действительно открытая, динамичная вселенная. Она не приходит в некое самостоятельно существующее будущее, а создает его своим развитием. Если это так, то и Бог должен воспринимать и постигать этот мир в его временном становлении.

Если же и это так, значит Бог не всезнающий. Для осмысления этого, по сути, шокирующего вывода, Д. Полкинхорн предлагает обратиться к, как он сам признает, далеко не бесспорному положению о милосердном самоограничении, наложенном Богом на свое знание. «Бог знает все, что можно знать, но если будущего еще не существует, даже Бог не может его знать» [2, с. 101]. Если мы принимаем это, нам придется пересмотреть традиционную концепцию божественного всеведения и, возможно, принять такую установку: Бог обладает всем знанием, которое в принципе достижимо на данный момент времени. Кстати, замечает

Д. Полкинхорн, здесь не может быть и речи о божественном несовершенстве, ибо то, чего нет, вообще не является объектом познания.

Д. Полкинхорн считает наиболее адекватными следующие представления о Творце и его отношении к творению. Мир без божественного присутствия был бы замкнутой, жестко детерминированной, не производящей ничего нового системой. Именно и исключительно благодаря божественной творческой деятельности наш универсум – открытый, сочетающий закон и случай, не только динамичный, но и творческий, и что самое главное, содержащий «особые места взаимодействия бога со своим творением, без которых не построить моста над онтологической пропастью между творцом и творением» [5, с. 90].

Кенозис (самоумаление) божественного всемогущества и всеведения обусловлен, конечно, никак не «внутренним сопротивлением» со стороны творения, а исключительно желанием самого Создателя. Бог «пошел» на самоограничение во имя подлинно свободного развития своего творения, к которому он имеет личностное отношение, называемое нами любовью.

Д. Полкинхорн вполне отдает себе отчет в том, что его позиция вызовет возражения, с одной стороны, у противников идеи кенозиса Бога, а с другой – у тех, кто, пытаясь снять с Бога ответственность за негативные мировые явления, готов ограничить его роль в мире только поддержкой бытия. Действительно, проблема теодицеи продолжает оставаться актуальной и для современной христианской теологии. За многие столетия своего существования теодицея накопила немало самых разнообразных теорий. Это и (в стиле Августина) отрицание существования в мире зла как такового, и представление того, что мы называем злом, недостатком добра, и идея невмешательства «часовщика» в ход «часов», и концепция помощи праведникам или избранным по произволу, и рассуждения (в стиле Фомы Аквинского) о том, что страдания, опасности, стимулируют духовный рост человека. Однако ни одна из них так и не дала удовлетворительного решения проблемы. Деистический часовщик слишком отдален от своих часов и возникает вопрос – почему он занял такую нейтральную, равнодушную позицию? К часовщику не обратишься – Отец. Что же касается последнего аргумента, то, очевидно, что люди (в силу различных причин и обстоятельств) очень разные, и одно и то же событие или переживание может духовно возвысить одних, и полностью раздавить других. Кроме того, возникает вопрос о необходимом для духовного возвышения масштабе страданий, который в последнее время перешел все мыслимые границы. Итак, все те же вопросы продолжают стоять перед нами. Как мог всемогущий и, главное, всеблагой Бог создать мир, наполненный страданиями, связанными с природными катаклизмами, болезнями, войнами, несправедливостями? Почему, имея возможность создать обитель счастья, он создал «юдоль скорби»? Если он способен исцелять, спасать, то почему делает это в отношении лишь очень незначительного количества людей? «Благочестивые истории о провидении часто кажутся смешными при соизмерении с масштабом и тяжестью страданий в мире», – замечает Д. Полкинхорн [5, с. 92]. В своих рассуждениях о том, как решать проблему теодицеи он никоим образом не претендует на получение истины в конечной инстанции. В принципе здесь он придерживается традиционной стратегии, которую он считает единственно возможной и суть которой заключается в предположении, что земные страдания – это необходимая составляющая процесса обретения высшего блага, недостижимого иным путем. Однако, в эту в общем-то стандартную позицию он вносит свои нюансы.

Д. Полкинхорн рассматривает два вида зла – физическое (не зависящее непосредственно от человека – болезни, стихийные бедствия) и моральное (являющееся следствием человеческих характеров, стремлений, действий) [6]. Бог, как уже говорилось, наделил людей великим

благом – свободой воли. Моральное зло, таким образом, – это следствие сознательного выбора сами людей. За свой собственный, свободный выбор люди сами и отвечают. В этом есть глубочайший смысл – человек становится человеком, проявляет человеческие качества, именно осуществляя свободный выбор, сознавая и неся за него ответственность. И, «несмотря на то, что выбор может быть ужасен... мир, где есть существа, наделенные свободой выбора, является лучшим, чем мир с идеально запрограммированными автоматами» [5, с. 93]. Свобода и моральная ответственность – высшая ценность и главное благо человечества.

В известном смысле аналогичное объяснение можно использовать и по отношению к физическому злу. Но здесь ситуация, как ни странно, представляется более сложной. На первый взгляд кажется вполне правдоподобным предположение о том, что, не желая зла, Бог дает ему произойти, ибо он предоставил вселенной свободу развивать себя самой через эволюционный выбор заложенных в творение возможностей. Но в каком смысле мы здесь можем говорить о свободе? Д. Полкинхорн справедливо называет абсурдным заявление, например, о том, что тектоническая плита своодна сдвинуться и спровоцировать землетрясение. Можно сказать, что способный к саморазвитию мир лучше, чем сразу полностью сделанный непосредственно Творцом. Но мы видим, что само-творение сопровождается множеством разрушительных явлений – извержениями вулканов, землетрясениями, появлением раковых клеток и т.п. И вообще, расценивание физического зла как необходимого компонента, заложенного в ход эволюционного развития, не решает главного вопроса.

Бог не может корректировать действия человека – это нарушило бы его свободу воли, о ценности которой было уже сказано. Но в чем ценность негативных природных явлений? Д. Полкинхорну представляется убедительным следующий аргумент. Если бы Бог постоянно отводил от человека природные опасности, корректировал бы законы и свойства природы, то такая неустойчивость мира внесла бы хаос в жизнь и действия людей. Природа – не просто сцена, на которой действуют личности. Человечество – часть природы. Бог одарил мир свободой развития и стабильностью законов, обусловивших возможность появления людей. И приняв эти дары, мы должны принимать и их следствия.

Одним из важнейших следствий возникновения сознательных, мыслящих личностей стало появление науки. И это, казалось бы, великое благо, сегодня тоже не может быть оценено однозначно. И эта неоднозначность настолько существенна, что всерьез ставится вопрос об установлении границ научных исследований. Конечно, развитие науки не только расширяет границы нашего познания, совершенствует наше мировоззрение. Она предоставляет человеку возможности жить и лучше, и дольше. И все же она не ставит перед собой задачу ответить на вопрос – а как человеку вести себя, чтобы сделать эту более долгую жизнь достойной и полноценной. Здесь речь идет, прежде всего, о ценностной, моральной компоненте творения.

По мнению Д. Полкинхорна, неслучайно важнейшей составляющей взаимодействия науки и теологии является этическая проблематика. Участие науки в создании средств массового уничтожения, манипуляции с геномом человека и т.п. приводят его к выводу о том, что не все, что можно узнать, действительно следует знать. Он вполне отдает себе отчет, что сдерживать прогресс науки посредством внешнего давления (законами о запрещении, протестами общественности и пр.) практически невозможно. Здесь может действовать только один закон – собственной совести и моральной ответственности. А наличие у человека этого закона не зависит от уровня и объема его знаний. Он формируется как-то иначе. И, как считает Д. Полкинхорн, важнейшую роль здесь играет религия. Разумеется, это не означает отрицание

высоких моральных качеств у атеистов. Но здесь они могут быть, а могут и не быть, тогда как религия и мораль связаны неразрывно.

Познавая и осваивая мироздание, человек, как подчеркивает Д. Полкинхорн, никогда не должен забывать о его божественной природе, о милосердии и любви Создателя, осуществляющего творческий процесс. И выполняя божественный наказ – постигать творение и управлять им – ощущать себя частью этого творения и действовать, руководствуясь знанием и мудростью.

Литература

1. Polkinghorne J. *One world*. Bristol: SPCK, **1987**.
2. Полкинхорн Д. *Наука и богословие*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, **2004**.
3. Polkinghorne J. *Quantum Physics and Theology: An Unexpected Kinship*. Yale University Press, **2007**.
4. Polkinghorne J. *Science and Providence*. Boston: New Science Library, **1989**.
5. Полкинхорн Д. *Вера глазами физика*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, **2001**.
6. Polkinghorne J. *Exploring Reality: The intertwining of Science and Religion*. New Haven University Press, **2007**.

Поступила в редакцию 12.06.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.1

Philosophy of creation

© S. V. Devyatova

*Lomonosov Moscow State University
Bldg. 4, 7 Lomonosovsky Ave, 119261 Moscow, Russia.*

Email: welt1936@yandex.ru

This article is devoted to consideration of the main principles of the concept elaborated by the famous English scientist and Christian theologian J. Polkinghorne and directed to formation more accurate idea of Creator and creation. The basic ideas of this concept: the necessity to theology a rational approach to comprehension not only of nature and peculiarities of the universe but also of its Creator; an importance of co-ordination of the modern Christian doctrine of creation with the scientific picture of the world; the great significance of natural theology for solving propounded tasks; our universe is a complex, developing by interaction of chance and law, but at the same time well-ordered and interrelated structure; human being is a part of this structure; the act of creation is a continuing process; God express Himself through His creation; Creator is simultaneously immanent and transcendent to His creation; Creator's actions are dependent only on His free will; Creator is not impersonal, but rational, loving and suffering; Creator presented universe with an ability to self-development and human being with free will; realization of this self-development is accompanied by unpredictable consequences which are unknown not only for man, but for Creator also; God only of His own free will realized a self-limitation of His omnipotence because He loves human beings; one of our main tasks is to learn how to use our superior value – our freedom.

Keywords: *Creator, creation, science, universe, natural theology, free will, evolution, chance.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Devyatova S. V. Philosophy of creation // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 3. Pp. 255–264.

References

1. Polkinghorne J. *One world*. Bristol: SPCK, 1987.
2. Polkinghorne D. *Nauka i bogoslovie [Science and theology]*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, 2004.
3. Polkinghorne J. *Quantum Physics and Theology: An Unexpected Kinship*. Yale University Press, 2007.
4. Polkinghorne J. *Science and Providence*. Boston: New Science Library, 1989.
5. Polkinghorne D. *Vera glazami fizika [The faith of the physicist]*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, 2001.
6. Polkinghorne J. *Exploring Reality: The intertwining of Science and Religion*. New Haven University Press, 2007.

Received 12.06.2016.